

Ю.Л. Троицкий

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ДИСКУРС

Историческая компаративистика необходимо включает в себя три составляющих линии: *объект и предмет* компаративных штудий (явления, которые сопоставляются), компаративную *эпистемологию* (метод и аналитические процедуры) и компаративное *описание*.

Предмет компаративных исследований не может быть результатом произвольного выбора: необходимы критерии отбора, составляющие *принцип достаточного основания*. Здесь имеет смысл обратиться к такой «продвинутой» области гуманитарного познания как сравнительно-историческое языкознание, накопившее огромный опыт в подобных исследованиях. По свидетельству В.Н. Топорова, «одним из основных (хотя обычно и неформулируемых) постулатов сравнительно-исторического языкознания является необходимость проверки лингвистического материала на возможность применения операции сравнения, иначе говоря, необходимость доказательства принадлежности этого материала к родственным языкам»¹.

Разумеется, этот предварительный отбор артефактов уже неминуемо обусловлен исходными, зачастую неосознаваемыми принципами. Адекватной эпистемологической экспликацией такого отбора можно считать *гипотезу*. Другими словами, компаративное исследование нельзя начинать без такого предпосылочного знания, которое обосновало бы выбор объектов и границы предметно-проблемного поля. Корректный способ представления гипотезы — предположительная модальность, например, *сослагательное наклонение*.

Наиболее продвинутое компаративное направление в историографии — «имперские сравнительные штудии». В редакционной статье журнала «*Ab imperio*», открывающей цикл компаративных исследований, читаем: «эпистемологическая специфика “сравнения” не сводится к вопросу о том, *кто* сравнивает и *с чем*. Сам объект сравнения, воспринимаемый многими компаративистами как само-

¹ Топоров В.Н. Сравнительно-историческое языкознание // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 486.

очевидная данность, обусловлен фундаментальной ситуацией сравнения: “самодержавие” кажется однозначным определением политического режима только при эксплицитном или имплицитном противопоставлении “республике”, а “империя” — “национальному государству”... именно из этого обстоятельства вытекает специфическое понимание “имперскости” в рамках Новой имперской истории, когда “империя” рассматривается в роли идеальной модели, противоположной идеальной же модели “нации”: в промежутке, очерченном этими двумя полюсами, *по сравнению с ними* (ближе или дальше к одному или другому), и располагаются реальные исторические политические системы. Таким образом, объект не может существовать вне постоянного сравнения и противопоставления другим, что создает дополнительное напряжение, поскольку постоянно сохраняется угроза изменения статуса объекта и даже его границ в зависимости от изменчивого сравнительного контекста².

Но «дополнительное напряжение» создается и фактом многозначности тех наименований и дефиниций, которые используются в историко-компаративных исследованиях. Риски, проистекающие из нежесткости исторического номинативного дискурса, могут вести к неточности и даже подмене понятий. По мнению И. Шайтанова: «Семантическая история терминов чревата теми же сюрпризами, что и история слов: означающее порой теряет из виду свой объект или, напротив, означаемое приобретает новое имя, не сохранив памяти о прежнем. В этом втором случае мы начинаем писать историю явления как будто с чистого листа, не соотнося ее с предыдущим этапом, прошедшим под другим именем»³. Это означает, что одно из условий компаративных штудий — предварительное составление тезауруса понятий и определений, используемых в данном исследовании.

Эпистемологический статус компаративистики колеблется у разных исследователей от аналитического приема до методологии. Иногда компаративистика объявляется «сравнительной методологией», чему пример возникновение «философской компаративистики», ставшей методологической базой сравнительных исследований.

² Мнимая очевидность и очевидная неизбежность сравнения: сравнительное знание в имперской ситуации // *Ab Imperio*. 2007. № 4.

³ Шайтанов И. Триада современной компаративистики: глобализация — интертекст — диалог культур // *Вопросы литературы*. 2005. № 6.

Обычно выделяют два направления: первое — «горизонтальное» (культурно-географическое). Основопологающим тезисом этого направления стали слова М. Бубера о необходимости диалога культур Востока и Запада. Задача этого направления, по мнению методологов, состоит в прояснении основных концептов *Восток*, *Запад*, *Север*, *Юг* как культурных феноменов, осознание их уникальности и поиск путей возможного диалога. Второе направление — «вертикальное» (историко-философское). Задача этого направления — проследить эволюцию формирования сравнительного метода в истории философии, а также выявить структуру сравнительной операции и дать анализ проблемы сравнимости философии Востока и Запада⁴.

Именно в области компаративистики обнаруживается известная эпистемологическая дилемма «вчитывания» и (или) «вычитывания» значений из того или иного предмета изучения. На мой взгляд, необходим баланс предметной и инструментальной линий в том смысле, что усиление (изошрение) инструмента (например, усложнение языка описания) может привести к «приборным помехам» и исказить полученный результат. Точно так же ослабление рефлексии при отборе и «подготовке» проблемно-предметного поля окажет «возмущающее воздействие» на процесс изучения и описания. Можно, вслед за Б. Гройсом, говорить об «эпистемологической подозрительности», которая особенно нужна при компаративном исследовании.

Интуитивным истоком начальной отечественной компаративистики можно считать наблюдение Карамзина о том, что «грубый ум ищет в различном общее, а тонкий — в общем — различное». Здесь подмечена врожденная особенность человеческой оптики акцентировать совпадение, но не различие наблюдаемых объектов. Сравнение как отождествление в логическом своем пределе приводит к симметрии, тождеству, тавтологии.

Что касается эпистемологии компаративного исследования, можно, на мой взгляд, выделить три основных уровня или языка:

1. «Наивная» (имплицитная) компаративистика, которая наиболее полно манифестируется в текстах иностранцев о чужих землях, когда описание наблюдаемой культуры осуществляется с помощью кодов собственной культурной среды.

⁴ Охотников О.В. Компаративистика. Национальная философская энциклопедия // <http://terme.ru/dictionary/183/word>.

С целью анализа компаративистского письма удобно рассмотреть такие исторические тексты, которые интенционально являются компаративистскими: записки иностранцев о другой стране, письма и дневники путешественников, паломников, дипломатов, травелогги. Подобные тексты можно назвать компаративистским «наивом», хотя бы потому, что сциентистская составляющая не является в них доминирующей, если вообще присутствует. Разумеется, в Новое и Новейшее время подобные нарративы уже не столь наивны, и возможны разнообразные случаи авторской игры в «наив» и стилизаций.

Для точки зрения иностранца характерен дифференциал несовпадения культурных кодов, и, как следствие, ошибки в прагматической линии их повествований. Нарративы иностранцев позволяют носителю описываемой культуры остраниться и тем самым по-иному увидеть собственную культурную ситуацию.

Непонимание прагматики чужой культуры приводит к порождению в описаниях иностранцев фиктивной событийности, которая совсем не присуща описываемой культуре. Подобная «текстовая событийность» превращает повествования иностранцев, пишущих, например, о России, в сложноустроенный компаративистский дискурс⁵. Поскольку компаративистская оптика иностранца «вмонтирована» в самое сознание, полнее всего она явлена именно в его дискурсивных формах. Афанасий Никитин в своем «Хождении» описывает социальную стратификацию средневековой Индии с помощью номинаций русской социальной действительности.

Господствующей риторической стратегией текстов «наивной компаративистики», на наш взгляд, является *метафорическая стратегия*, представляющая перевод одной культуры на язык другой.

Что касается дискурсивной стороны записок иностранцев о чужих землях, то это, как правило, нарративы по преимуществу, но с вкраплением компаратива. Компаратив — вид повествования, противоположный нарративу и обслуживающий обобщающие высказывания⁶. Можно утверждать, что нарратив тяготеет к описанию событийных исторических феноменов, а компаратив — процессуальных.

⁵ Лотман Ю.М. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Избранные статьи. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 138-144.

⁶ Максимова Н.В. Чужая речь как коммуникативная стратегия. М., 2004.

При этом метафорическая стратегия проявляется не в том, что тексты иностранцев полны метафор, но в том, что стратегия текстопорождения сама метафороподобна, то есть соединяет в одном повествовании оппозиционные элементы «свой — чужой» в новые дескриптивные речевые формы тема-рематического типа.

Риски языка наивной компаративистики состоят, например, в буквальном понимании иностранцем некоторых «непрямых» выражений, особенно идиоматических. Неточность или неполнота перевода «с культуры на культуру» приводят к фактическим искажениям и ценностным аберрациям: своя культура выступает как «правильная», наблюдаемая — как отклонение и более низкая в развитии.

2. Иной язык — сравнительные исследования, в основе которых заложен принцип «общее/особенное» (инвариант/трансформации). В рамках этого языка ставится задача реконструировать инвариант сопоставляемых объектов и описать веер несовпадений.

Когда В.Н. Топоров сравнивает два дневника: дневник Андрея Тургенева и японский дневник Исакава Токубоку, то такое сопоставление предполагает выделение некоего общего субстрата, характерного для личного дневника вообще, независимо от временной и культурной дистанции⁷. Возможные риски при компаративных изысканиях этого типа заключаются в том, что в качестве образца может быть взят один из сопоставляемых вариантов, что недопустимо как факт выведения метаязыка из одного объекта описания.

По словам Ю.М. Лотмана, если описывать историю русской литературы от Пушкина до Достоевского в терминах поэтики Достоевского, то независимо от субъективных установок автора подобной истории, мы получим четкое векторное описание, согласно которому Пушкин окажется слабым предтечей автора «Преступления и наказания», а вот сам Федор Михайлович возглавит рейтинг отечественных писателей, ибо принятый язык описания полнее всего манифестируется именно в произведениях Достоевского.

3. Третий возможный язык — когда в качестве эпистемологического основания выбирается та или иная *теоретическая модель*. Историю человеческого общества можно описать через марксистскую

⁷ Топоров В.Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исакава Токубоку) // Восток-Запад. М., 1989. С. 78-99.

формационную модель, через цивилизационные модели или ментальные структуры. Это зрелый метаязык, позволяющий достичь, в рамках избранной теоретической модели, целостной исторической картины. Другое дело, какова окажется цена этой целостности, как и уровень имманентной противоречивости.

Риски таких описаний могут заключаться в отрыве теоретической модели от эмпирического материала, что зачастую приводит к искажению этого материала в угоду избранному метаязыку. Я думаю, что способом минимизации этого риска может стать изменение статуса теоретической модели — не императивная посылка, но гипотетическое предположение.

Современная наука весьма осторожна с жесткими модальностями и предпочитает сослагательное наклонение. Самыми плодотворными оказываются модели «среднего уровня» (как они характеризуются в науковедении), а самый эффективный исследовательский вектор — челночное движение от эмпирического материала к модельному уровню (рефлексивная обработка данных с помощью теоретического инструментария) и обратно.

Отказ от жестких детерминистских установок благотворно влияет на эпистемологический климат исследования: появляется возможность альтернативных объяснительных схем, имеющих свое выражение в концепции «семантики возможных миров»⁸. Ограничителем пространства эпистемологической свободы мог бы стать эпистемологический анархизм в духе Пола Фейерабенда.

Проблема компаративного описания состоит в том, что полем эпистемологических опытов оказывается компаративистский текст, не являющийся «прозрачным стеклом» и имеющий собственное «тело», которое всегда значит больше, чем прямые значения авторского интенционала. Вот почему анализ компаративистских текстов позволяет не только реконструировать теоретические посылки автора в случае, если прояснится структура и характер самого описания, но и определить семантическую потенцию собственно текста⁹.

⁸ См., напр.: Руднев В. Семантика возможных миров // Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001. С. 390-392.

⁹ См.: Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. Особенно раздел: Обладает ли нарратив собственной познавательной ценностью? С. 170-187.

Основной семантической единицей сравнительного исторического описания является историческая параллель. Сравнение событий, биографий, исторических процессов принадлежит, конечно, к фундаментальным эвристическим процедурам, так как приводит к порождению новых смыслов, которых не было в сопоставляемых феноменах в отдельности. Вероятно, приращение смысла происходит потому, что благодаря сопоставлению возникает новый контекст понимания за счет коннотативного шлейфа, который несут сравниваемые события и явления.

Историческая параллель как компаративистская единица находит свое адекватное воплощение в такой текстовой фигуре как метафора. Метафора оказывается идеальным способом схватывания сущности общего в различном и различного в общем.

Компаративистский дискурс, таким образом, соединяет референтные феномены (то, что сравнивается) с семантическими явлениями письма (риторическими фигурами), и репрезентируется в особом типе повествования, который можно обозначить как *компаратив*. Компаратив сочетает нарративные отрезки с генерализирующими описаниями, стремящимися к метафорическому типу семантической организации.

Сравнительно недавно лингвист Н.В. Максимова предложила новое понятие *ментатив* для обозначения теоретических повествований, например, философских¹⁰. При этом оказывается, что ментатив является противоположностью нарратива, а компаратив — разновидность ментатива. Интересно, что наиболее полно ментатив эксплицируется в сослагательном наклонении. Можно предположить, что ментативный дискурс в будущем станет основным способом не только компаративного повествования, но и исторического в целом, сочетаясь (противопоставляя себя) с анекдотической (казусной) коммуникативной стратегией историописания.

Актуальной становится разработка компаративного источниковедения, компаративистской историографии, как и компаративной эпистемологии.

¹⁰ Кузнецов И.В., Максимова Н.В. Текст в становлении: оппозиция «нарратив — ментатив» // Критика и семиотика. Вып. 11. Новосибирск; Москва, 2007. С. 54-67.